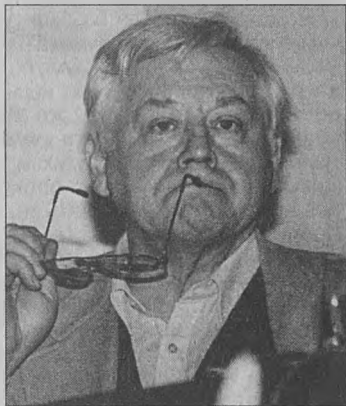

Он остался один и плакал...

Олег Николаевич Ефремов — единственный из моих учителей, кто еще жив. Как родителей, так, я думаю, и учителей не выбирают. Человек, конечно, вносит в свою жизнь какие-то коррективы, но в основном в небесной канцелярии есть какой-то план изложения. Олег Николаевич, как и другой мой учитель Василий Осипович Топорков, как и основатели Художественного театра, много внимания уделял этическим нормам, которые для меня неоспоримы. Мне только однажды было с ним тяжело. Давно это было. Знаете, когда циклюют полы, по ним прокатывают бумагу с такой песочно-бутылочно-стальной смесью. Так вот с последовательностью такой машины и с настойчивостью, близкой к садистской, вытраивал из нас Ефремов премьерство, каботничество, всю ту мерзость, которая облепляет театр, как ракушки и водоросли днище корабля, идущего сквозь толщу океанских вод. В этом смысле с ним было трудно. Я даже помню, как мы с Галей Волчек стояли как-то во время работы над спектаклем «В поисках радости» — стояли, значит, как лошади, положивши головы друг другу на плечи и плакали от обид. Но что делать. Наше ремесло предполагает и эти страдания. А в целом Олег Николаевич — из тех режиссеров, которые помогают актерам хорошо играть. Эта манера чрезвычайно редка в режиссерском цеху, а последние лет 25 — так просто днем с огнем. Нынче режиссеры все больше устраивают некий exhibition, и дело не в том, что я этот театр не очень люблю. Он бывает мне интересен ну полторы, ну две минуты, а потом я понимаю, что люди, действующие на сцене под руководством этих режиссеров, менее хитры, чем я (я человек довольно хитрый и режиссерам надо подтягиваться). И я отключаюсь и засыпаю. А вот Ефремову в лучших своих работах удается облиться слезами над вымыслом. К сожалению, не всегда его поддерживают актеры.

Что касается эстетических принципов, то тут наши взгляды довольно разнятся. Олег Николаевич тяготеет к психологическо-бытовому направлению литературы, мне же этого всегда было мало, мне нужно еще нечто. Русская литература, которая меня интересует, состоит не только из Чехова, Островского, Грибоедова и Фонвизина, но еще и из Салтыкова-Щедрина, и, что важнее всего, Гоголя. Но это вовсе не мешало мне играть в его спектаклях, таких разных, как «В поисках радости» или «Два цвета», с одной стороны, или аксеновское «Всегда в продаже» и шварцевский «Голый король» — с другой. Иногда хорошо, иногда не очень хорошо. Справедливости ради надо сказать, что Ефремов при всей его тщательной демократизации занимаемых нами в театре положений несколько выделял Женю Евстигнеева и меня. Мне казалось всегда, что он чуть больше доверял нам в ремесле. Он доверял мне не один раз в жизни, возможно, потому что я его не подводил. Он доверил мне стать актером МХАТа, ректором Школы-студии. По всей вероятности, он предполагал во мне верность — качество, довольно редкое для нашего актерского цеха.

Возможно, его излишне буквальное следование демократическим принципам театра несколько тормозило развитие «Современника», особенно перед его уходом во МХАТ. Сказать, что это всерьез была демократия, я в свои 60 с лишним лет не могу. Но все, что я сказал, не отменяет моей нежной любви и верности к нему лично. Место Ефремова в истории советского русского театра занято реально и неоспоримо. Мне кажется, театральная критика и общество последних лет несправедливы к нему. Мне кажется, ему мало воздали за его труды и страдания. Средства, с помощью которых он реализовывал свои программы, были разными и во многом вытекали из того времени, в котором мы жили. Имеющий мозги, да поймет. Но я твердо знаю, что ничего более значительного и интересного, чем театр, для Олега Николаевича не существовало. Более того. В том, что существует наш театр в подвале, есть и заслуга Ефремова. Это он заронил во мне те зерна сомнения, неудовлетворенность самим собой, которые с разными результатами приводят людей к созданию театра.

Мне вчера один случай рассказали. На третьем году существования «Современника» нас послали на гастроли в Казахстан. Гастроли закончились, мы улетели, остались только Ефремов и еще один человек. И оказалось, что у них на двоих один билет. И Ефремов сказал: «Ну что ж, тогда лети ты». И тот человек улетел, а Ефремов остался один и заплакал.

Н.Х. Мельникова. — 1997. — 10 с. — с. 8